

Елена Арсеньева

Тайный грех императрицы

«Автор»

2010

Арсеньева Е. А.

Тайный грех императрицы / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2010

ISBN 978-5-699-40460-5

Глядя на Елизавету – мягкую, добрую и удивительно спокойную, – никто не догадывался, что в душе этой женщины пылают настоящие страсти. Брак с государем Александром I оказался для нее не слишком счастливым, однако она со смирением принимала свою участь... до тех пор, пока не потеряла голову, встретившись с молодым красавцем военным Алексеем Охотниковым. У Елизаветы есть тайная соперница, жаждущая внимания Алексея. И она не остановится ни перед чем. Что же будет, если о взаимной симпатии государыни и ротмистра узнают при дворе?!

ISBN 978-5-699-40460-5

© Арсеньева Е. А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Елена Арсеньева

Тайный грех императрицы

Пролог

Ненастной ночью октября 1806 года с крыльца одного неприметного дома на Сергиевской улице спустилась невысокая полная дама и приблизилась к поджидающей ее карете. Двигалась женщина с трудом, дышала прерывисто, словно от крайней усталости или болезни. Поддерживал полуночную путницу худощавый человек, в котором с первого взгляда можно было узнать врача, да не просто врача, а именно полкового лекаря.

– Прощайте, доктор, – пробормотала дама чуть слышно, и стало ясно, что она едва сдерживает слезы. – Не забудьте же дать мне знать потом... когда все закончится.

– Все закончится не позднее, чем завтра днем, – угрюмо ответил тот, кого назвали доктором. – Я не стану посылать вам никаких вестей, простите великодушно. Ни к чему это. И лучше вам здесь больше не показываться, го... – Он замялся, как бы запутался в словах, а потом повторил с почтительным полупоклоном: – Лучше вам здесь больше не показываться, госпожа.

Из-под края шали, низко надвинутой на лоб, блеснули измученные глаза. Дама сдержала слезы, но видно было, с каким трудом ей это удалось.

– Скажите тогда ему... – начала она, но не договорила, а прикусила губу, покачнулась и положила руку пониже груди.

Доктор вздохнул: дама была беременна – этим и объяснялась ее полнота. Роды, по всему, могли начаться в любой момент. Ей ни в коем случае не следовало выходить в такую пору из дому и приезжать сюда!

Однако он понимал, что именно сегодня дама не могла не появиться здесь.

Длинными прохладными пальцами доктор перехватил ее левое запястье. Перчатка мешала, доктор почти не слышал пульса дамы, но он и не ставил перед собой такой цели. Сейчас сердце страдающей женщины никак не могло биться ровно! Доктор хотел хоть немного успокоить ее своим прикосновением. Показать, что сочувствует ей всей душой, что сам переполнен горем, однако... Однако есть в жизни нечто, некое понятие или существо, сие уж каждый по-своему объясняет, против власти которого человек бессилен. Это – смерть. Они вышли из дома, в котором вступала в свои права смерть. И могли только склониться пред нею, признав ее победу.

Наконец доктор со вздохом разомкнул пальцы на тонком запястье, открыл дверцу кареты и помог даме взойти туда и сесть. Она сразу откинулась на спинку кресла, закрыла лицо одной рукой – и дала волю слезам. Рывания ее глухо отдавались в сырой, ненастной тишине, и только завывание холодного ветра глушило их.

Дама так дрожала, что с трудом удерживала небольшую черную шкатулку, которую сжимала в правой руке. Доктор знал о том, что хранится там. В шкатулке лежали письма этой женщины: их она не столь давно писала тому, кого любила. Тому, с кем приезжала нынче проститься – и простилась навеки, ибо жизнь его закончится не позднее завтрашнего дня...

Тот человек вернул ей письма, ибо они были опасны для ее репутации. А может, даже и для жизни.

Доктор хотел еще что-то сказать, но говорить уж было нечего. И утешить ее нечем. Он молча поклонился, хлопнул дверцей и приказал кучеру:

– Поезжайте!

Еще какое-то время он смотрел вслед канувшей в темноту карете, прислушиваясь к удалявшемуся стуку колес.

* * *

– Бесы, бесы балуют! Сызнова катались по клумбе! Все цветы помяли! Что за притча?! Не позвать ли батюшку, чтобы сад освятил?

Елизавета открыла глаза. Высокий юношеский голос ворвался в распахнутое окно и спугнул сон, который только-только начал туманить голову. Сердце тревожно стукнуло.

«Все цветы помяли...»

– Мишка! Чего шумишь ни свет ни заря?! Государыню разбудишь! А ну, брысь отсюда!

Невольная улыбка тронула губы Елизаветы: голос хранителя тишины звучал громче, чем голос ее нарушителя. Она догадалась, что внизу переругивались садовник и один из его помощников.

– Охти мне! – еще пуще возопил Мишка. – Запомню! Прости Христа ради, дяденька Прохор, прости меня, дурака!

– Да замолкни ты наконец! – выверился «дяденька Прохор». – Ишь, отыскался племянничек! Кыш, сила нечистая!

– Вот! – не унимался Мишка. – И я говорю – сила нечистая. Бесы бесятся. На цветы гляньте! И уж которое утро так. Днем землю разрыхлю, цветочки распрямлю, ломаные уберу, рассаду свежую подсажу – и поутру все сызнова помято.

– Пошел вон! Пошел, кому говорено! Господа почивать изволят, а он тут разорался!

Елизавета снова усмехнулась. Даже если бы и в самом деле кто-то спал, то уже давно проснулся бы. Но, к счастью, сюда выходят только окна ее спальни. В самом деле – к счастью. Как хорошо, что никто не слышит про эти смятые цветы! Умный и недоброжелательный человек мог бы догадаться...

О чем? Ну, она-то знает, о чем...

Да нет, не может быть, никому и в голову такое не придет! Чтобы императрица, вечно унылая, замкнутая, одинокая, – и...

И с этой мыслью Елизавета вдруг заснула – так внезапно, словно кто-то одним дуновением погасил свечу ее беспокойства. Усталость взяла свое. Скоро придет фрейлина и удивится, что государыня, птичка ранняя, снова так заспалась, и разбудит ее. Но пока еще есть час-другой, чтобы забыться сном, который вернет ее к счастью...

Елизавета спала. Губы ее чуть дрожали, будто она что-то шептала или улыбалась. Садовник прогнал своего не в меру голосистого подручного, и ничто более не тревожило сна императрицы. Она не слышала, как скрипнул гравий на дорожке под чьими-то осторожными шагами. Шаги прошелестели и замерли под ее окном.

* * *

Человек, пришедший под окна Таврического дворца, опасливо оглянулся и склонился к клумбе. В самом деле – все смято, а хрупкие незабудки, любимые цветы императрицы, и вовсе сломаны. Можно подумать, что здесь каталась-валялась собака. Но собаки рядом с императорским дворцом по ночам просто так не бегают, все они заперты или в покоях своих хозяев, или на псарне, а бродячие шавки сюда и близко не подходят. Нет, это не собака... Чуть в стороне от смятых цветов на земле отпечатался странный круглый след. И это не след лапы, а след каблука!

Человек глянул на свои ноги. На нем были сапоги точно с такими же каблуками. Он только недавно сошел с коня и еще не отстегнул шпоры. А вот и борозда от шпоры протянулась по земле...

Человек поднял голову. Все окна затворены, кроме одного – во втором этаже. Там опочивальня государыни Елизаветы Алексеевны.

Опочивальня... И окно ее – настезь... А след-то совсем свежий... Хм...

Вот тебе и «хм»!

Человек бросился бежать. Теперь он не заботился об осторожности, спеша добраться до своего коня и гнать во всю прыть в Мраморный дворец. Гравий громко хрустел, но Елизавета спала так крепко, что ее ничто не беспокоило.

Но сон ее оказался бы беззаботен куда менее, если бы она знала, что под ее окошком только что побывал человек по фамилии Баур. Сам по себе он ничего собой не представлял, лакей, лизоблюд, каких при дворе водилось множество (собственно, иных почти и не водилось), но он значился адъютантом великого князя Константина, которому подражал во всем, вплоть до мелочей. А вот Константин... О, это была фигура очень непростая! Непростая и опасная!

* * *

– Семенова перешеголяет Перлову, вот увидите!

– Ну, бросьте. Александрина чудо как хороша во всякой роли, а Семенова создана лишь для высокопарности.

– Ты думаешь, это высокопарность?! А вспомни, как дрожал ее голос, когда она говорила:

*Как часто с берегов или с высоких гор
Я в море синее мой простираю взор!
Там каждый вал вдали мне пеною своею
Казался парусом, надеждою моею.
Но, тяжело опустясь к глубокому песку,
По сердцу разливал мне мрачную тоску...*

Какая же это высокопарность? Истинное чувство! А как она смотрела на Фингала!

– Яковлев и в самом деле красавчик. Не будь он актер, дамы из-за него дуэли устраивали бы!

– Дамы? Дуэли из-за мужчины?! Не пережил бы, клянусь, раньше закололся бы кинжалом, когда б узнал, что моя, скажем, персона сделалась причиной дамской дуэли и такого падения неподобной, чудной, обожасмой мною женственности!

– Павлов, ты не тревожься, голубчик, твоя персона причиною женского разлада не станет веки!

Кругом захохотали – сей Павлов был малорослым, худым, курносый, веснушчатый, при этом его добродушие казалось неиссякаемым, оттого он хохотал сейчас вместе со всеми.

Алексей Охотников тоже безотчетно улыбнулся, хотя настроение его совсем не располагало к веселью. Нынче разезд у Большого Каменного театра, который был возведен архитектором Тома де Томоном и считался самым прекрасным в Европе (говорили, что ничего подобного нет даже среди двадцати театров Парижа, которыми столица Франции скорее загромождена, чем украшена!), затянулся. Так всегда случается после премьер: зрители галерки и стоячих нижних мест переговаривались, перекрикивались, загораживая дорогу каретам, в которых разъезжалась сановитая знать. В зале было не до разговоров, такая там царила теснота, яблоку, прямо скажем, негде упасть: за билеты перекупщикам платили огромные деньги, за контрамарки давали взятки, превышающие даже стоимость билетов у перекупщиков, на стоячих местах уже за час до начала представления народ напоминал селедок, напиханных в бочку вниз хвостами и вверх головами с наивысшей степенью плотности, галерка грозила обвалиться

под тяжестью набившихся туда жадных зрителей... В такой толчее мудрено разглядеть ту, которую так хотелось увидеть...

Алексей вздохнул. В той ложе, в которой *она* обычно бывала с мужем, *ее* нынче не оказалось. Супруга *ее* – тоже. Но это вовсе не значило, что *ее* не было в театре. Наташа – Наталья Голицына, кузина Алексея и наилучшая подружка его детства, юности и всей жизни – как-то, словно невзначай, обмолвилась, что иногда *она* является в театр инкогнито, переодевшись так, что никому и в голову не придет заподозрить, что дама, похожая на богатую вдову, еще не до конца снявшую траур, в темном, хотя и роскошном платье со скромным декольте, с небольшой берилловой гирляндой в гладко причесанных волосах (чудилось, она надела веночек из незабудок), – не просто дама, а... Вот разве что те, кто случайно заглядывал в *ее* глаза, изумлялись, насколько цвет бериллов совпадал с цветом этих глаз, тоже напоминающих незабудки.

Алексей с досадой качнул головой. Дамы в незабудках он нынче не видел. Может быть, просто не разглядел, хотя куда чаще направлял лорнет на ложи и ряды, а не на сцену. А может, *она* оделась иначе этим вечером? Хотя нет, нет, взор влюбленного узнал бы *ее* в любом наряде!

А вдруг кто-то заподозрил, что *она* тайно бывает здесь? И об этом донесли *ее* мужу? И он увидел в том не чистую страсть к искусству, а нечто предосудительное? И запретил бывать на представлениях?

Нечто предосудительное...

Но что, если и в самом деле так? Что, если *она* приезжает в театр для удовлетворения некоей тайной страсти? Если ведет *ее* не любовь к искусству, а любовь к прекрасному собой актеру Яковлеву? Известно, что многие женщины из общества по нему с ума сходят не в силах одолеть сословных предрассудков, согласно которым актеры, пусть даже и самые первостатейные, суть особы презираемые... Говорят даже, что сама сестра государя императора, великая княжна Екатерина, девица столь же безрассудная, сколь и красивая, к Яковлеву равнодушна. Беспрестанные наезды великой княжны в театр стали уже притчей во языцех: всякий спектакль посещает, а не только премьерный! Что, если и *она*?..

Алексей с негодованием качнул головой. Как смеет он подозревать? Как смеет думать такое *о ней*?!

И тут тоска его взяла, потому что он вообще не смел *о ней* думать...

Обуреваемый этой тоской, Охотников отстал от компании друзей-кавалергардов, которые один за другим усаживались на лихачей (что и говорить, расторопным извозчикам в премьерные дни удавалось озолотиться!) и, миновав две «грелки»¹, кои в студеные вечера нарочно устраивала дирекция театра, свернул в проулок.

Здесь было темновато – фонари горели через один. Видать, фонарщик нерадивый попался. Обычно они прилежны! Алексей вспомнил, как, приехав в Санкт-Петербург из своей воронежской глухомани и еще не вполне обжившись в большом городе, любил, лишь стемнеет, выйти на улицу, чтобы наблюдать за фонарщиками. Они собирались кучками на перекрестках, пристально вглядываясь в сторону Большой Морской: лишь только там появится сигнальный красный шар на каланче, как они, взвалив на плечи свои лесенки, отправятся зажигать фонари, прихватив с собой и свитки рогожи. Ею фонарщики прикрывают фонари от ветра, когда засвечивают их...

Сыростью и холодом несло от Невы, но Алексей упрямо шел к набережной. Ему хотелось пройти мимо Зимнего. Если уж не увидел *ее* вблизи, то хоть издали взглянуть на...

Стук копыт перебил мысли: его нагоняла карета. Объехав Алексея, она остановилась у кромки мостовой, совсем рядом. Дверца приотворилась было, потом снова закрылась. Он из любопытства замедлил шаги, потом почувствовал, что из кареты за ним наблюдают сквозь зад-

---

¹ «Грелками» звались особенные круглые беседки, в которых разводили костры, чтобы возле них могли погреться возчики наемных карет, кучера, которые привезли своих господ в театр, а также прислуга.

нее окошечко. В полутьме колыхнулось что-то белесое, он догадался, что сдвинули занавеску, которая окошко заслоняла, и смотрят на него.

«Хм, как бы не решили, что я струсил, коли замедлился!» – подумал Алексей заносчиво и ускорил шаги, однако тут же сообразил, что его быстрота тоже вполне может быть расценена как паника. Теперь он печатал шаг, словно на параде, и чуть ли грудь колесом не выпячивал. Выглядел, наверное, преглупо, понимал это, однако ничего поделать с собой не мог: неведомо как понял, что из кареты следит за ним дама. Пристальное женское внимание все еще повергало его порой в самое несусветное смущение, хотя юношеская скромность давно осталась позади вместе с затянувшейся невинностью. Ну что ж, столичная жизнь своего требует: многое приобретаешь – и многое теряешь. С другой стороны, не такое уж это благо, невинность, чтобы им всерьез дорожить, ибо взамен приходит опыт. Правда, приходит он рука об руку с неизбежным спутником своим – цинизмом, однако сей цинизм вдруг, внезапно, неожиданно разбивается вдребезги о некую встречу, о некий сперва мимолетный, а потом внимательный, настороженный – и наконец откровенный взгляд, после коего твоя жизнь перекидывается с ног на голову, все идет кувырком, все мешается, ты горишь в смертельной лихорадке – и при этом так счастлив, как еще не бывало и, конечно, уже не будет с тобой. Ты даже вообразить прежде не мог, что люди вообще способны испытывать такое счастье, такой восторг, и ты наконец догадываешься, что это посетила тебя вековая мечта твоя – любовь...

Как всегда это случалось, стоило лишь Алексею задуматься о своей любви, о той, которую он обожал, – и он забыл обо всем на свете. Кровь зашумела в ушах, заглушая все иные звуки, а потому он не расслышал, как дверца кареты снова распахнулась, раздался какой-то таинственный шелест, а потом властный женский голос произнес:

– Сударь, извольте остановиться.

Алексей безотчетно сделал еще несколько шагов и замер, только когда голос нетерпеливо возвысился:

– Я к вам обращаюсь, господин кавалергард!

Он обернулся. Из кареты выснулась фигура в черном плаще с капюшоном. Из-под него мерцал овал лица, но черт разглядеть в вечернем мраке было невозможно. Да, похоже, дама не спешила выставлять себя напоказ, и у Алексея мелькнула мысль, что карета не просто так остановилась именно под непогашенным фонарем.

Или он все выдумывает? Наташка, кузина, всегда звала его выдумщиком... Может быть, ему просто чудится нечто таинственное в этой черной картере, в фигуре, окутанной плащом, в бледном пятне лица – потому чудится, что он живет в атмосфере тайных желаний и тайных их воплощений уж который месяц... живет и не желает ничего иного!

Однако в голосе, который его позвал, нет ничего таинственного. Обычный голос, принадлежащий немолодой почтенной даме, судя по неторопливости, с какой она спустилась с каретной подножки на мостовую. Наверное, камеристка знатной госпожи.

– Сударыня, прошу простить меня, – вернулся Алексей к карете. – Я шел задумавшись и не тотчас вас услышал. Чем могу служить?

– С моей госпожой несчастье, – проговорила дама в плаще. – Она лишилась сознания, и я никак не могу привести ее в чувство. Я боюсь ехать дальше: как бы ей не стало вовсе дурно от тряски. В карете душно, вынести бы ее хоть на минуточку на улицу, однако у меня не хватит сил... Не согласились бы вы помочь, сударь? Будьте милосердны!

Алексей бросил взгляд на кучера с мощною осанкою. Судя по ширине его плеч, сего малого не затруднило бы лошадь перетащить в охапке через лужу, а не только бесчувственную даму вынести из кареты. Но, возможно, эта камеристка не хочет, чтобы высокородной дамы коснулись руки простолюдина?

Сам Алексей относился к сословным предрассудкам с изрядной иронией, полагая, что все люди – дети одного Творца, из той же персти земной им сотворены, и кичиться заслугами

и богатством предков, а не своими доблестями смешно, однако отказывать даме в помощи не стал. Он ступил на подножку кареты, сделал еще шаг и, очутился внутри, в темной каморочке, сразу же подумав, что здесь в самом деле немудрено чувств лишиться, так все пропитано запахом роз. У Алексея даже в горле запершило.

– Что я должен сделать? – спросил он, полуобернувшись к даме-камеристке, уверенный, что она вошла в карету за ним следом, однако увидел, что та осталась снаружи, наверное, решив, что троим тут будет тесно. Ну что ж, она ведь сказала, что госпожу нужно вынести на воздух. Зря, конечно, служанка захлопнула дверь: ни проблеска света, как бы не наступить даме на платье!

Он напряг зрение, пытаясь привыкнуть к темноте, однако в этот миг случилось нечто уж вовсе странное: карета тронулась. Да как споро! С места лошади рысью взяли!

– Что ж такое?! – воскликнул Алексей удивленно, пытаясь удержать равновесие и хватаясь за низкий, обитый плотным шелком потолок кареты. – Остановите!

– А зачем? – послышался рядом хрипловатый, словно бы заглушенный смехом женский голос, а потом чьи-то руки обхватили Алексея за талию и потянули вниз.

От изумления он не удержался и повалился чуть ли не плашмя. Локоть его ударился обо что-то мягкое – на счастье, он понял, что это не чье-то тело, а пышная обивка кресла. Коленом он тоже уперся в сиденье, но тотчас его колено было плотно стиснуто, и он ошалело сообразил, что угодил своей ногой между ногами вольготно раскинувшейся дамы.

– О сударыня, простите! – пробормотал он, не соображая, что говорит, пытаясь оттолкнуться от спинки и как-нибудь выпрямиться, но его продолжали держать и руками, и коленями весьма крепко. Да еще и губы жарко подсунулись к самому лицу и шепнули:

– Не отпускай, покуда ты меня не поцелуешь!

Впрочем, ждать его поцелуя незнакомка не стала, а так и впиалась в удивленно полуоткрытый Алексеев рот.

Ох, какие у нее оказались губы и какой язычок! Ну не ангелом был наш герой, отнюдь не ангелом и не святым. Первые, как известно, бесполой, а вторые искушались-таки, возьмите хоть святого Антония, а может, и не Антоний это был, Алексей находился сейчас не в том состоянии, чтобы Четьи-Минеи² вспоминать, все в нем так и содрогнулось, так и взъерилось! Тьма, и тайна, и аромат этот, почти смертельный по густоте, в который тонкой струйкой вливался еще и пряный запах разохотившейся женщины... Она подняла юбки и выпустила колено Алексея из плена своих колен. Теперь ноги ее были широко раздвинуты, она поймала его ладонь и положила на свое обнажившееся тело. Теплый шелк кожи, мягкая шерстка междуножья... Нет, ну кто устоял бы?! Кто не сошел бы с ума? Даже влюбленный рыцарь, весь поэтически возвышенный в жажде сохранить верность своей единственной прекрасной даме, способен потерять рассудок, когда перед ним такой цветок похоти раскрывается!

Алексей уже не отрывался от этих мучительных губ – ну и поцелуи были, он стонал от боли, но прервать их не хватало сил, – а руками так и охаживал ее открытое естество. Бедрa незнакомки ходуном ходили, ох, какая плясунья ему попала, а пальцы ловко расстегнули крючки на его бедре, и лосины Алексея распахнулись. И спасибо, не то порвались бы под напором того, что вмиг вырвалось оттуда, распрямилось и бурно устремилось было в женское средоточие, откуда пахло совершенно головокружительно, и пальцы Алексея мигом стали влажны, так жарко, нетерпеливо его ждали...

И вдруг ее рука уперлась ему в живот, а губы, прервав поцелуй, прильнули к уху:

– Погоди. Нельзя. Я девица.

И теперь Алексей понял, что все предыдущие изумления, которые он испытал во время этого внезапного приключения, были просто ничем по сравнению с тем ошеломлением, кото-

---

² Четьи-Минеи – сборник житий различных святых.

рое на него так и рухнуло. Слово чести, если бы ему сейчас на голову свалился невесть откуда булыжник, и то меньше ошарашило бы.

Девушка?! И *этак*е подходцы?! Какого, с вашего позволения, черта?!

– Но ты не тревожься, – снова жарко зашептала она, – я тебя разудовольствую. Ты только меня слушайся, и все будет сладко. Но слово дай, что не изнасильничаешь, а то мне хоть в гроб!

– Даю... беру... – проблеял Алексей, вряд ли соображавший, что он говорит. – Не буду изна...

Тут она взяла его за изнывающее от желания естество и принялась ласкать, после чего последние остатки разума в голове нашего героя рассеялись.

Ну, господа хорошие... Может, она и впрямь была девушка, однако у самых изощренных шлюх не встречал Алексей таких пальцев, как у нее. Что ж она этими пальчиками вытворяла! Уж она его распаленный страстью уд гладила-гладила, крутила-крутила, да при том и так и сяк его к своему лону прилаживала, чуточку пустит в себя – и тотчас выдернет, и потом снова ну себя охаживать по самому тайному местечку, да по краешку, да к серединке прижимать мужское орудие, да ласкает им и так и сяк себя, а сама то взвизгнет, то застонет, то цапнет Алексея зубками за ворот мундира, то начнет губы кавалергарда кусать... Изнурила его и сама изнурилась, ждать больше не было сил ни у нее, ни у него. Вот она забилась, запрыгала, завывала, прикусив мочку Алексева уха, и он от сладкой боли так и извергся... Но, хоть вроде бы почти без сознания был, все же почувствовал, как она из-под него выскользнула, отодвинулась, и то, что он излил из себя, попало ей в юбки, а не в самое опасное и рискованное место.

И эта ее трезвая осторожность Алексея словно ледяной водой окатила. Страсть и похоть в единую секунду выветрились из головы и из тела... – с другой стороны, получил свое, чего ж теперь-то разнеживаться?! – он чуть отстранился, попытался распрямить затекшие колени, но не удержался и чуть не упал на нее.

– Побережней, милостивый государь, – сказала она насмешливо и несколько запыхавшись (ну, право же, было с чего!!!). – Не то до дому не дойдете.

Алексей молча возился с застежками лосин, совершенно не представляя, что говорить. Точно так же он не представлял, что теперь делать.

Она назначит новую встречу? Или он должен спросить, когда они встретятся вновь?

Но он не знал, хочет ли этого, вот в чем беда!

Что же делать? Что?!

Однако все решено было за него, оказывается. Карета остановилась так же неожиданно, как тронулась. Дверца распахнулась, и Алексей был схвачен двумя мощными ручищами – да столь внезапно, что и рыпнуться не успел, как оказался выволочен из кареты и поставлен на мостовую. Те же ручищи вцепились в его плечи и несколько раз крутанули, так что Алексей нелепо завертелся вокруг своей оси, будто игрушечный волчок. Голова у него все еще кружилась от аромата роз и вообще от всего этого невероятного любодейства, потому неудивительно, что он потерял равновесие, и, пока силился не рухнуть наземь, карета тронулась.

Лошади унеслись так скоро, что Алексей еще очухаться не успел, как остался один в кромешной темноте. Вдали плескалась в берег Нева и виден был огонек, отражавшийся в воде.

Куда это его завезли, Боже милосердный? И что вообще было содеяно?

Что-что... Им попользовались, как вещью, и выбросили за пущей ненадобностью. Его изнасиловали – причем самым натуральным образом!

Унизили, а он-то, дурак, думал – превознесли...

Эх, если бы узнать, кто она!

Ну и что Алексей сделал бы тогда? Снова предался бы той же дурманной, почти неестественной похоти?

Ну, неведомо, как он поступил бы, повторись все спустя некоторое время. Но сейчас, сию минуту, сей миг – он ненавидел эту женщину!

Пардон, господа, – девицу...
Ну, словом, эту шлюху.

* * *

– ...Итак, мой брат рогат... – задумчиво пробормотал Константин. – Мой брат – рогоносец! Богоподобный Александр наконец-то сподобился звания сего и уподобился большинству подданных своих.

Баур кашлянул в замешательстве. Он не знал, как ответить. Если бы великий князь злобно захохотал – Баур захохотал бы тоже. Это просто. Но голос господина звучал как-то странно, необычно, и адъютант не представлял, что говорить и как себя вести.

Да, злорадства в голосе Константина не слышалось. Похоже, в нем была печаль. Всю жизнь, сколько Константин себя помнил, он любил Александра. И не только по-братски, а еще и так, как любят настоящие верноподданные своего государя. Конечно, всего несколько лет назад Александр для брата был просто Сашкой. Ну, великим князем, Константин тоже с рождением получил этот титул. Однако именно Сашка являлся цесаревичем – наследником престола, а значит, будущим императором, самодержцем всероссийским.

Сначала, когда помрет эта распутная старуха, их непомерно зажившаяся на свете бабуля Екатерина Алексеевна, императором станет отец, Павел Петрович, ну а вслед за ним – уж непременно Сашка!

С этой мыслью Константин вырос, и ему в голову не приходило, что может быть иначе. Например, что Бог оказался несправедлив к нему, сделав его вторым сыном, а не первым, не наследником-цесаревичем.

Да ну! Еще недоставало! Престол – это такая доука! Вечно заниматься какими-то нудными делами, не имея ни минуты для наслаждений, которые щедрой рукой готова отмерить жизнь, – только успевай предаваться им! С другой стороны, старуха-распутница умудряется все совмещать: и страну взяла за горло мертвой хваткой, и от удовольствий в виде балов и молодых любовников не отказывается, но сколько недоброжелательных глаз на нее устремлено! Сколько гнусных шепотков раздается! Сколько хихиканий! Как обсасывают, причмокивая от злорадства, ее роман с этим сладеньким красавчиком Платошей Zubовым! Если даже сын ее порицает, если даже внуки со смеху покатываются, воображая бабулю пылкой шлюхой, – что же говорить о придворных, которых хлебом не корми, только дай посплетничать о сильных мира сего? И когда на трон взойдет батюшка Павел Петрович, а потом и Сашка, их ждет точно такая же участь: быть предметами лизоблюдства внешнего и осмеяния закулисного.

Нет, жизнь императора вовсе не казалась завидной Константину. Лучше быть вторым, третьим, пятым в этой унылой очереди к трону. А еще лучше – вовсе в сей очереди не стоять. Константин от души надеялся, что когда-нибудь у него хватит душевных сил сообщить отцу и брату, что он желал бы для себя свободной и спокойной жизни. Сашка-то его поймет, конечно. Он и сам когда-то мечтал удалиться от суеты двора куда-нибудь на лоно швейцарских гор, окруженных озерами. Построить скромную хижину, удить рыбу сетью, читать высокомудрые книги и любоваться природными красотами. Правда, он хотел бы жить там, вдали от мирского шума, не один, а с женой, с Елизаветой... Это еще тогда казалось Константину порядочной дурью. Константин Луизу ненавидел. Он вообще ненавидел таких вот тихонь. В тихом омуте черти водятся, это уж всенепременно! Он всегда знал, что от нее можно ждать всякой пакости. И уж сколько таких пакостей она подстраивала! А теперь увенчала голову императора рогами. А корону-то на рогах носить неспособно...

Он задумчиво посмотрел на Баура, который так и ел господина преданными глазами. Да, неприятная история, но, похоже, правдивая. Не верить адъютанту у Константина не имелось никаких оснований. Уже много лет не было у него слуги верней, и Баур не раз доказывал,

что прихоти своего господина он готов исполнять любой ценой, иной раз даже ценой жизни... правда, пока что не своей пока что только жизнями других он оплачивал причуды великого князя!

Мысли Константина вильнули в прошлое. Впрочем, не столь уж далекое – еще и шести лет с тех пор не миновало. На дворе стояло лето 1801 года. Недавно они – и семья, и Россия – лишились отца-государя. Император Павел Петрович умер от апоплексического удара... Хм! Так было сказано народу, но все знали, что на самом деле забили государя до смерти заговорщики, да еще шарфом для верности придушили. И злодеяние это вершилось с высочайшего (хотя и негласного) одобрения Александра, который теперь стал императором. Он, конечно, вел себя так, будто ни сном ни духом не ведал о замышлявшемся цареубийстве, и все, естественно, делали вид, что ему верили, – в то время как не верил никто. С другой стороны, святых на троне не бывает, ну не дается он в чистые руки, он как бы мстит этим рукам за то, что они чистые! Вот Павлу Петровичу достался трон по праву престолонаследия, так же, как и отцу его, Петру Федоровичу III, и чем дело кончилось?! И отец, и сын свергнуты, убиты, а губителям их славу поют и на верность присягают. И уверяют весь мир: государь-де Петр в Ропще от удара скончался, а государь-де Павел – от сей же причины в Михайловском замке. Экие папенька да сын *приударенные* уродились!

Конечно, Константин горевал – а как же не горевать об умершем отце?! – но в то же время какая-то часть его души радовалась свободе от ненавистной муштры и того прокрустова ложа, в которое уложил батюшка не токмо всю Россию, но и семейство свое, не давая никому послабления в мелочных, никчемных, а порой и весьма жестоких придирках. По сравнению с ним Александр оказался само добродушие. Ему ну до того хотелось, чтобы никто не вспоминал о его очень двусмысленном воцарении, что он всякому старался потрафить. И Константин стал подумывать о том, как бы подкатиться к нему с разговором о своем разводе. С отцом об этом не то что говорить – даже помыслить о таком в его присутствии было нельзя! А вот Александр определенно может оказаться покладистой. И, предвкушая мысленно свое освобождение от унылой, нелюбимой, скучной, как подушка, неповоротливой, как перина, занудной, как скрипучая кровать (ассоциации были только постельные, потому что больше всего жена не нравилась Константину именно в постели), супруги Анны, он решил сменить любовницу.

Вообще великий князь менял их, как лондонский щеголь – перчатки. Впрочем, Константин и сам был таким же щеголем: а как же, он ведь военный, кавалерист, а известно, что перчатки живо стираются от поводов. Волей-неволей менять их приходится. Вот так же и женщина стирается от постоянного употребления. Особенности, самые интересные и когда-то привлекательные черты ее стираются! Чем чаще имеешь одну, тем более она становится на одно лицо с другими. Ну и хочется чего-то новенького, иного, непривычного. «Надоели мне эти тощие белесые плаксы, – сказал как-то Константин, осушив бокал шампанского и сморщив нос. – И «Clicquot» надоел...»

Баур жадно смотрел на темную бутылку особого, толстого, «английского» стекла. В ней пенился напиток, способный свести человека с ума. Ах, веселые фантазеры французы, до чего они только не додумались! Шампанское, шампанское «Clicquot», как же любил его Баур, можно сказать, обожал! Правда, попробовать его удавалось редко. И только в великокняжеском Мраморном дворце. Французы ведь оказались не только фантазерами, но и смутьянами: поубивали своих королей, потом завели себе какого-то корсиканского проходимца Буонапарте вместо государя, и торговый дом «Clicquot» перестал поставлять божественное шампанское в Россию³.

³ Еще в 1780 году французский винодел Франсуа Клико привез небольшую партию своего шампанского в Россию. Оно имело успех, однако после Французской революции поставки прекратились. Только в 1814 году вдова Франсуа Клико – Николь-Барб Клико Понсардин – восстановила прерванный экспорт. Теперь шампанское называлось «Veuve Clicquot», «Вдова Клико», и было невероятно популярным: за бутылку платили двенадцать рублей, что считалось неприлично дорогим, и долгое время русские не хотели знать иного шампанского, кроме «кликовского».

Разумеется, императорская семья ни в чем не знала отказа, перепадало (точнее, *переливалось*) и верным слугам, а все же Бауру, который мог пить шампанское с утра до вечера и с вечера до утра, всегда казалось мало. Он душу был готов продать за этот напиток, а потому слова Константина Павловича о том, что «Clicquot» ему надоел, вызвали у адъютанта удивление и досаду. Известное дело: господа вечно с жиру бесятся!

– Так выпейте водочки, ваше высочество, – уныло посоветовал он, пытаясь проникнуть взором сквозь зеленое бутылочное стекло и выяснить, довольно ли там осталось шампанского. – И поехали к актеркам. Говорят, Сашенька Перлова первостатейно Эйлалию изображает в «Ненависти к людям».

– Что? – хмыкнул великий князь. – Сызнова коцебятина⁴? Какая же это водочка? Такая ж кисло-сладкая преснятина, как моя Анна. Водочка – это... это... это непременно брюнеточка вроде Жаннеты или, к примеру, рыжая...

Голос его заметно погрузнел. Жаннета Святополк-Четвертинская, воспитанная при русском дворе дочь польского вельможи, убитого за преданность России, огонь-девка, предел Константиновых мечтаний, недавно дала ему отставку. Красавица не прочь была сделаться великой княгиней, положение же любовницы, пусть даже и великого князя, ее совершенно не устраивало. И слушать обещания насчет развода ей порядком надоело. Жаннета и Константин поссорились. Очень может быть, что еще помирятся. Хотя вряд ли. А ему так хочется женщину! Какую-нибудь необыкновенную! Чтобы раззадориться от ее красоты и прелести. И чтобы она раззадорилась, развеселилась, чтобы соглашалась на все, чтобы сама выдумщицей оказалась...

– Говорят, рыжие невероятно в постели затейливы, – пробормотал великий князь, покачивая шампанскую бутылку так, словно раздумывал, не выплеснуть ли то, что там осталось, на пол. – Как подумаешь, ну справедливо ли, что у меня ни разу рыжей бабы не было? Вот любопытствую: коли рыжая, то обязательно ли конопатая? Конопатых я не люблю! Бр-р!

И он снова качнул бутылкой.

«Вильет ведь!» – ужаснулся Баур. Шампанского хотелось до дрожи в горле... И вдруг мерзавца осенило!

– Рыжая – это не обязательно конопатая, – сдавленно проговорил он. – Я одну даму знаю – волосы как огонь, а кожа поистине жемчужная.

– И откуда такие подробности? – подозрительно спросил Константин. – Твоя блядь, что ли?

– Нет, она не из блядей, – покачал головой Баур. – Она женщина порядочная, вдова банкира, а зовут ее Эмилия Францевна Арауж.

– И что, банкир сей исповедовался тебе насчет статей и прелестей своей женки? – хохотнул Константин.

– Да что вы, ваше высочество! Это не человек был, а сундук запертый, – зло проговорил Баур. – Из него ни слова не вытянешь, ни гроша у него не выпросишь, даже и в долг, даже и родственнику. Ведь Эмилия Арауж – кузина моя. Мы росли вместе, и я помню, как услышал однажды – после бани сестра моя няньке жаловалась: она-де брюнетка, а кожа в веснушках, тогда как Эмилия рыжая, но белая, как молоко...

– Как молоко... – задумчиво повторил Константин, и его голубые, очень яркие глаза вспыхнули синим дьявольским пламенем. – А что? Ты думаешь, эта вдовица уже наскучалась, сидючи в трауре? Уже хочет развлечься?

– Конечно! – выпалил Баур, глядя, как Константин разливает остатки шампанского по бокалам, потом один берет себе, а другой протягивает ему. – Ручаюсь жизнью!

---

⁴ Александра Перлова (Польгалова, в замужестве Каратыгина) – одна из ведущих актрис русской сцены в начале XIX в. Особенный успех имела в сентиментальных пьесах А. Коцебы, которые за наивность и слезливость назывались в обществе «коцебятиной».

Он выпил залпом ледяной кислый напиток – никто не мог зараз больше одного глотка сделать, потому что скулы сводило, газ распирает нёбо, а Бауру это было нипочем! – и в голове у него окончательно помутилось. Все сложное мигом стало простым. И даже то, что безутешная Эмилия, которая безумно любила мужа и продолжала оплакивать его потерю, Эмилия, мать двоих детей, вдруг бросится сломя голову в объятия великого князя, к которому прежде относилась со смесью верноподданничества и брезгливости, показалось вполне достижимым. Эмилия получит некое письмо, но ей до поры до времени не надо знать, что в доме брата ее будет ждать столь приятная встреча.

Константин тоже не сомневался в своей победе. Он чертовски нравился женщинам! Замужние дамы, которые страдали от недостатка пылкости своих чрезмерно почтенных супругов, по нему с ума сходили! К примеру, недавно камергер великого князя Нарышкин привел к нему сначала сестру жены, а потом и жену. И обе дамы остались премного Константином довольны. А ведь они дворянки! Не чета какой-то там банкирше!

* * *

Ну что ж, дальше все случилось почти так, как ожидали Баур и посвященный в его планы великий князь. Мадам Арауж получила письмо от кузена, в котором тот сообщал ей о своей тайной дуэли и ране, там полученной. Дуэли были запрещены, и простодушная Эмилия поверила, что ее легкомысленному кузену в самом деле не к кому больше обратиться за помощью. Она искренне любила его, а потому не замедлила, не посвящая никого, поехать в дом Баура. Но встретил ее не Баур, а компания пьяных насильников, среди которых был и великий князь.

А вот что произошло потом, Константин не любил вспоминать. Как и о том, что за двадцать тысяч рублей ему удалось склонить сенатора Гурьева, поставленного во главе комиссии по расследованию загадочной смерти госпожи Арауж, замять это дело. Гурьев сообщил, что смерть наступила не после зверского насилия, а в результате эпилептического припадка, во время которого женщина упала и переломала себе руки и ноги.

Так или иначе, господин и его адъютант были теперь повязаны смертным делом. И поскольку Баур ни разу не распустил язык по поводу происшедшего, Константин ему вполне доверял. Баур предан как пес! И врать не станет, не посмеет, тем паче если речь идет об императрице.

Что же делать с этими чертовыми Сашкиными рогами, а? Пойти к брату? Открыть ему глаза?

Неблагодарная роль... Конечно, Александр равнодушен к жене, конечно, он и сам далеко не образец верного супруга, а все же выступать в роли доносчика Константину неохота. Тем более что был случай, когда он сказал кое-что брату о Елизавете, а потом выяснилось, что все происходит с ведома и по наущению самого Александра. И каким же дураком себя Константин тогда чувствовал – ну не описать словами!

Ага, он знает, что надо сделать! Поговорить с сестрой! Если кто-то и ненавидит Елизавету больше, чем Константин, то лишь их с Александром младшая сестра Катрин.

А к брату? Как она относится к брату Александру?

На вопрос сей никто не ведал ответа, может быть, даже и сама Катрин.

За несколько лет до описываемых событий

– Уродина... какая же она уродина! – раздался шепоток, напоенный такой злостью и ненавистью, что императрица Екатерина Алексеевна едва удержалась, чтобы не обернуться и не посмотреть, кто это там шипит по-змеиному. Сие неосторожное движение монаршей головы, сделанное в соборе во время венчания царевича Александра, привлекло бы всеобщее внима-

ние. Поэтому императрица лишь чуть-чуть повернула голову, скосила глаза – и поймала испуганный взгляд невестки.

Великая княгиня Марья Федоровна растерянно хлопнула ресницами, лицо у нее было испуганное. Невестка поняла, что императрица слышала шепот, но еще не была уверена, узнала ли та голос своей внучки, а ее, великой княгини, дочери Екатерины, названной так по воле самой императрицы и в ее честь.

«А то как же, – про себя усмехнулась императрица. – Разумеется, узнала!»

И, добавим, не только узнала, но и поняла причину лютой ненависти, в сем детском голоске прозвучавшей.

«Сколько сейчас Катрин? – размышляла ее венценосная тезка. – Пять лет? Рано начинает...»

В самом деле, рано. И объект для ненависти выбрала, скажем прямо, очень неподходящий. Та, которую она честит уродиной, – принцесса Луиза-Августа Баденская, нареченная в православии Елизаветой Алексеевной и ставшая ныне женой старшего царевича, Александра Павловича, – хороша даже не человеческой, воистину ангельской красотой. С этим согласны все единодушно: и те, кто браком Александра доволен, и те, кто считает, что ему еще рано жениться. Одна малышка Катрин не может простить приезжей красавице, что та отнимает у нее любимого брата. Мала да шустра не по летам. Императрица всегда говорила, что с ней надобно ухо остро держать. Пока что Катрин еще не вышла из детской, ее не начала муштровать бесценная баронесса Шарлотта Карловна Ливен, чьи наставления сопровождали всех детей наследника Павла Петровича чуть не с колыбели. А пора, пора уже начинать – девчонка ничуть не похожа на своих податливых, мягких сестричек. Гораздо больше она напоминает второго внука императрицы, великого князя Константина. Вот разве что он с младенчества был собой нехорош, а Катрин – прелестный чертенок.

Вот именно! Она – чертенок, Елизавета – ангел... Не приведи бог им столкнуться на узкой дорожке, потому что, увы, мягкость и доброта ангела будут ему плохой защитой от воинственного, дерзкого чертенка.

«Ладно, как-нибудь обойдется, – с надеждой вздохнула императрица, следя за обрядом венчания. – Александр сам виноват: избаловал хорошенькую девочку, явно выделяя ее среди других сестер, вот паршивка и возомнила, что ей все дозволено. Теперь у него, у человека женатого, будет куда-а меньше времени таскать на руках сестрицу. Пусть лучше свою Елизавету носит, вон у нее какие крошечные ножки, небось быстро устают. А Катрин крепка, словно не императорское, а крестьянское дитя, и точно так же бойка на язык. Пожалуй, надо разрешить баронессе Ливен применить и розги в крайнем случае...»

Вот только императрица не очень верила в то, что розги помогут. Ведь Катрин такая своевольница с рождения, вернее, была такой еще до своего появления на свет. Ни одного из детей (четырех сыновей и шести дочерей) Марья Федоровна не вынашивала столь трудно и мучительно, как эту девчонку. Великую княгиню мучила страшная тошнота все девять месяцев, что изумляло даже выдавших виды повитух. Известно ведь, что после первых трех месяцев беременных женщин не тошнит. Лекарь-акушер бодрился, но Екатерина прекрасно знала, как он боится предстоящих родов. И решила на всякий случай сама присматривать за их течением.

Правильно сделала! Иначе этим страхом да чрезмерной почтительностью ее невестку-страдалицу вовсе уморили бы до смерти собравшиеся вокруг ложа роженицы медицинские светила да повитухи. Только и знали, что кланялись да бормотали:

– Осмелимся спросить, как себя чувствует ваше императорское высочество? А не соблаговолите ли потужиться, ваше императорское высочество?

Между тем оное высочество уже готовилось испустить дух, вот до чего дошло дело, и кабы не решительность императрицы...

С чувством исполненного долга Екатерина писала вечером того же дня, 19 мая 1788 года, милому другу Потемкину-Таврическому:

«Жизнь матери была два с половиной часа в немалой опасности от единого ласкательства и трусости окружающих ее врачей; и, видя сие, ко времени кстати удалось мне дать добрый совет, чем дело благополучно и кончилось».

Маленькая принцесса появилась на свет в результате кесарева сечения – «вылупилась», как выражалась императрица. Поскольку, едва разродившись, Марья Федоровна залилась слезами (она ждала сына, а тут снова девочка), императрица взяла малышку под свое покровительство и велела наречь ее Екатериною – в собственную честь. Да еще и присовокупила:

– Что проку в мальчишках? Они лишь на то и годятся, чтобы делать детей своим женам. Мужской пол – это не условие ума и удачливости. Посмотри на меня – я женщина, но император в России не какой-то там мужчина, а я, именно я! Екатерина частенько называла себя императором, а не императрицей. Ну а «какой-то там мужчина» – это, понятное дело, ее сын Павел, которого она на дух не выносила. – Наша маленькая Катрин в свое время тоже взойдет на трон, и еще не известно, кто будет властвовать, она или ее супруг!

Говоря так, Екатерина Алексеевна имела в виду, что всякая особа из российского царского дома непременно выйдет замуж за какого-нибудь короля или принца, однако, чуть только Катрин подросла и начала понимать частенько повторяемые ей бабушкины слова, она принялась придавать им совершенно другое значение.

Она видела себя не на каком-нибудь вообще троне, а именно на русском!

Разумеется, об этих детских бреднях никто поначалу не подозревал. Императрица считала внучку совершенным увальнем, несколько даже разочаровалась в ней и описывала ее барону Гримму, своему постоянному корреспонденту, с ноткой пренебрежения: «О ней еще нечего сказать, она слишком мала и далеко не то, что были братья и сестры в ее лета. Она толста, белая, глазки у нее хорошенькие, и сидит она целый день в углу со своими игрушками, болтает без умолку, но не говорит ничего, что было бы достойно внимания».

Однако именно замкнутостью и тихостью нрава и понравилась двухлетняя сестричка Александру, который оказался старше ее на десять с половиной лет. Он был склонен к задумчивости, тишине и созерцательности; чрезмерное оживление большого семейства немало раздражало его – оттого среди всех прочих братьев и сестер он и предпочитал Катрин. И стоило ей ощутить это ласковое внимание – мужское внимание! – так определяла его для себя императрица, лучше других знавшая, что у любви нет возраста и слов «уже поздно» или «еще рано», – как девочка мигом преобразилась. Она перестала сидеть в углу с игрушками, а принялась всюду бегать за братом, и оторвать ее от Александра было совершенно невозможно. Причем чем взрослее становилась Катрин, тем меньше бескорыстного, невинного восхищения светилось в ее ярких, темных, больших глазах, все чаще виделась в них ревность собственницы, никому не желающей уступать любимую игрушку. Появление при дворе принцесс Баденских, из которых Александру предстояло выбрать невесту, пробудило в ней истинного бесенка. Причем не шаловливого, а коварного и очень опасного! На хорошенькую, но простоватую Фредерику-Доротею она смотрела презрительно, а на прелестную Луизу – с откровенной ненавистью. Катрин высмеивала каждый шаг принцессы, каждое слово, а ее естественные неловкость и застенчивость, которые были и впрямь очень трогательны и умиляли всех остальных, вызывали у малышки приступы грубого хохота. При этом она оказалась достаточно умна (а вернее, хитра) чтобы не буйствовать принародно, понимая или чувствуя, что тем самым восстановит против себя Александра, который очаровался невестой с первого взгляда. Катрин паясничала и скоморошничала, только если была убеждена, что ни няньки, ни воспитательницы ее не видят, и с ее легкой руки остальные великие княжны относились к Елизавете насмешливо и пренебрежительно. Первый раз выдала себя Катрин во время венчания брата, и тогда же императрица впервые задумалась, что эта девчонка еще задаст им всем жару, если вовремя ее не окоротить!

Впрочем, сей эпизод быстро стерся из памяти императрицы, Екатерине Алексеевне было не до глупеньких девочек. Куда сильнее ее тревожила собственная неумолимо надвигающаяся старость, приметы коей все меньше поддавались притираниям, румянам, помадам и мушкам. А еще больше беспокоили причуды сына и наследника, которому предстояло оставить власть, трон, и Россию... Всему конец настанет в Павлушкиных солдафонских руках! Вот если бы Александр, любимый внук, был ее наследником, императрица без страха глядела бы в глаза неминуемой кончине.

Эта мысль все чаще приходила в голову государыне, и она не делала из нее тайны. Сие втихомолку обсуждалось везде: в дворцовых закоулках, в Павловском, в Гатчине, в Зимнем, и даже младшие дети уже были в курсе волнующих разговоров. Ничего пока не знал только Павел...

И, разумеется, Катрин внимала слухам всей душой. Она росла, она взрослела, она умнела – и становилась более хитрой. Более изощренной интриганкой, чем все прочие, вместе взятые.

Обожаемый брат может сделаться императором. Хорошо, прекрасно! Однако рядом с ним на трон воссядет эта дура, уродина, эта белая мышь! Да разве она достойна зваться императрицей?! Ей место в каком-нибудь подвале. С Александром править должна только Катрин! В конце концов, истории известны примеры, когда брат и сестра делили власть. Взять хотя бы царевну Софью и царя Петра. Правда, они ненавидели друг друга.... А вот если вспомнить Калигулу и его сестру Друзиллу, то это как раз тот пример, который вполне подходит.

Хотя, похоже, чувства между Калигулой и Друзиллой были не вполне родственными.... Хорошо им, язычникам, жилось! А православная церковь не позволяет брака между братом и сестрой. К тому же, Александр уже и так женат. Значит, думала Катрин холодно, надо привязать его к себе узами другой любви, не супружеской, но не менее сильной.

Все вокруг считают ее еще ребенком, но ей уже тринадцать, и она чувствует себя вполне зрелой женщиной. Зрелой – и красивой. Зеркало не врет. Не врут и восхищенные взгляды молодых офицеров, а эти взгляды Катрин ловит тут и там. Да и Александр с восторгом смотрит на нее своими голубыми глазами, красивее которых Катрин в жизни не видела! И вообще, он самый красивый мужчина на свете. Брат должен принадлежать ей, принадлежать всецело. Только сначала нужно убрать с пути Елизавету...

* * *

– Ваше величество... Ваше величество, не соизволите ли пробудиться?

Елизавета нехотя открыла глаза. Зачем ее будят? Кажется, вот только что спорили под окошком садовники... Легкая улыбка скользнула по губам, но тут же исчезла, когда императрица увидела лицо склонившейся над ней фрейлины. Лицо было красивое, но чем-то неприятное. И такое перепуганное! И какая-то она слишком остроносенькая, эта девушка.

«Кто она? Из новеньких... забыла фамилию... Ох, как мне худо!»

Вдруг застучало в висках, замутило. Елизавета не могла смотреть на фрейлину – опустила веки на глаза, которые вдруг начало жечь.

«Не больна ли я?»

– Ваше величество, вы захворали? – испуганно воскликнула фрейлина, и голос ее показался столь резким, что у Елизаветы снова заломило виски. – Не прикажете ли доктора позвать?!

– Зачем? – выдавила Елизавета, но не сразу узнала свой голос, таким он был хриплым. – С чего вы всполошились, милая моя?

Она всех так называла даже если человек вызывал оскормину. Вот как сейчас – при взгляде на это красивое лицо во рту стало кисло и противно.

– Ну как же? – забормотала фрейлина. – Сейчас полдень. А вы еще почивать изволите. И стонать во сне. И разговаривать...

Елизавету жаром обдало!

– Разговаривать? – во рту пересохло. – О чем же говорила?

– Ах, боже, не разобрать было, – с досадой пожаловалась фрейлина, и Елизавета мысленно перекрестилась. – Но вы так жалобно стонали!

– Мне снился кошмар, – выдумала Елизавета – на свою голову, потому что фрейлина так и понеслась к двери с криком:

– Доктора! Немедля нужно доктора! Кошмары могут быть признаками воспаления мозга!

О' Господи! Только этого не доставало! Сейчас явится Виллие и начнет, вытягивая длинные пальцы, подступать к Елизавете, чуть приседая от почтительности и верноподданнически поводя носом, почти столь же длинным, как его пальцы, и, наверное, столь же холодным, бр-р! «Не сочтите меня нескромным, ваше величество, но я принужден долгом своим умолять ваше величество позволить мне дотронуться до вашей *pectus*. Осмелюсь ли спросить, не сочтете ли вы меня нескромным, коли я своими недостойными перстами коснусь вашего *abdomen*? Не беспокоит ли вас *gaster*, ваше величество... Ах, простите, что я вынужден задавать такой вопрос!» Говоря по-немецки, анатомические термины Виллие произносил по-латыни, словно Елизавета обязана была знать, что *pectus* – это грудь, *abdomen* – живот, а *gaster* – желудок? Всегда, слушая тарабарщину Виллие, Елизавета ощущала, как ее охватывает отчаяние, опутывает бессилие. Точно так же, как шесть лет назад, когда умирала ее дочь, которую – Елизавета была в этом убеждена! – заморили именно врачи, в том числе и Виллие, пользовавшийся большой благосклонностью отца-императора Павла Петровича. А что могла, что понимала перепуганная, почти неживая от горя и страха за свое дитя мать? И умерла великая княжна Мария Александровна, Машенька, *Mauschen*, мышонок, как называла ее Елизавета. Возможно, Виллие хорошо умел лечить взрослых, но в младенцах он не понимал ничего, все дети императрицы Екатерины Алексеевны, от Александра до Михаила, росли на диво здоровыми, с ними лейб-медику не было никаких хлопот.

От этих тягостных воспоминаний снова подкатила к горлу тошнота, и Елизавета, с трудом проглотив тяжелый кислый комок, крикнула:

– Мне не нужно никакого доктора! Слышите? Подите и скажите Виллие, что мне он не надобен!

Фрейлина откровенно вытаращила глаза от неслыханной, невиданной, не представимой грубости всегда такой деликатной и мягкой императрицы, но послушно выбежала вон.

Елизавета мысленно возблагодарила Господа. Соскочила с постели опрометью ринулась в туалетную и склонилась над горшком. Ее вывернуло так, что горько стало во рту от желчи. Ужинать она вчера не могла, не до ужина ей было, нетерпение снесало, вот и...

Да с чего так вырывало, о господи, матушка, Царица Небесная?!

Она кое-как прополоскала рот душистой настойкой, шатаясь, вернулась к кровати и упала лицом в подушки. Давно ее так не тошнило. С тех пор, как она носила *Mauschen*. Но сейчас вроде бы и не с чего.

Сама мысль о возможной беременности показалась ей нелепой.

Александр, всецело увлеченный любовью к Марье Антоновне Нарышкиной, не посещал жену уже давно... Сейчас даже не вспомнить, когда он исполнял свой супружеский долг в последний раз, и исполнил ли его, ведь очень часто Александр просто ничего не мог сделать, и Елизавета его не осуждала: по нему было видно, насколько не любит он жену, и разве его в том вина? Только ее...

Когда-то это Елизавету с ума сводило. Она чувствовала себя такой несчастной, такой заброшенной! И даже писала матери: «Ведь ежели я до сих пор не возненавидела людей и не превратилась в ипохондрика, то это просто везение».

Но... с некоторых пор все изменилось!

Она схватила в охапку подушку, зарылась в нее лицом – и стало легче от еле уловимого аромата, который вдруг слабо коснулся ее ноздрей.

«Ma petite femme, mon amie, ma femme, mon Dieu, ma Elise, je t'adore...»

Голос, любимый голос так отчетливо зазвучал в ушах, что Елизавета не сразу расслышала, как приотворилась дверь, и очнулась лишь оттого, что ощутила на себе пристальный взгляд.

Опять она, эта... как бишь ее? Что такое, память словно бы пеленой подернута. Кажется, эта фрейлина дежурила при императрице всего раз или два до нынешнего дня и, несмотря на красоту, показалась пренеприятной своим откровенным искательством. Внезапно вспомнилось, как еще во времена незабвенной государыни Екатерины Алексеевны была при дворе полька-красавица, пани Радзивилл, известная своей нравственностью (в кавычках)... Говорили, что муж ее, как страус, воспитывает чужих детей. Известна она была также льстивостью и низкопоклонством, а еще откровенным хамством по отношению к тем, в ком она видела соперниц при государыне. Эти качества пани превосходили всякие допустимые пределы и даже у немолодой императрицы, чего только не навидавшейся в жизни и потому чрезвычайно терпимой, вызывали порою оскомину. Царица, конечно, была слишком великодушна, чтобы в лицо одернуть сановную особу, однако и она как-то раз не выдержала. У Екатерины Алексеевны имелась левретка – прелестная собачка по кличке Пани, очень ласковая, но ревновавшая к хозяйке других собак и в присутствии Радзивилл государыня однажды сказала громко, поглаживая собачку: «Послушай, Пани, ты ведь знаешь, что я тебя всегда отталкиваю, когда ты заискиваешь, я не люблю низости!»

Вот и эта фрейлина – в точности Радзивилл. Уж не полька ли и она? Кругом польки, нет от них никакого спасения...

А ведь недаром они вспомнились. И фамилия фрейлины выплыла из глубин памяти. Это девица Загряжская, Наталья Ивановна Загряжская! Она хоть и не полька, но из лифляндских баронов Липгардтов по линии матери... Ужасная, весьма скандальная история с ее происхождением связана. Что-то такое Елизавета слышала о бегстве замужней дамы с женатым офицером, о том, как мать этой Загряжской была представлена законной супруге своего любовника, которая окружила ее материнской лаской, когда та умирала от родов, брошенная повесой Загряжским..

Ах, негоже сплетни лелеять, одернула себя Елизавета Алексеевна. Судить других может только человек безупречный, оттого и государыня Екатерина была столь терпима к другим, что знала свои грехи. Вот и ты знай!

И, помимо воли, скользнула по губам улыбка: грех – он страшен только на исповеди и в наказании, а греша, испытываешь такое счастье!

Ох, Господи, прости!

Фрейлина, которая так и пожирала глазами императрицу, поймала эту улыбку радостно, ни на миг не усомнившись, что та адресована ей, и сразу подала голос:

– Ваше величество, его величество желает ваше величество навестить.

– Что? – привскочила в постели Елизавета. – Его величество желает... Что-то случилось? По какой надобности он хочет прийти?

Вопрос был неуклюж, конечно. Разве супругу нужна особая надобность, чтобы навестить жену? Сей вопрос выдал непростые отношения, которые связывали императора и императрицу... Впрочем, что тут выдавать, всем известно про это ... и отношений-то, можно сказать, вовсе нет!

– Государь обеспокоен, – задушевым голосом проговорила Загряжская, поднимая с пола оброненный Елизаветой платок. – Ему доложили о вашем нездоровье, и государь весьма обеспокоен!

– А в чем состоит мое нездоровье? – изо всех сил бойчася, спросила Елизавета. – И кто этот слух пустил? Не вы ли та сорока, которая сплетни стала разносить?

В ярких карих глазах Загряжской мелькнула обида, однако тут же и погасла. Взамен осталась только преданность, и ничего, кроме нее.

– Ну как же, – протянула она обескураженно. – Как же?! Ваша тошнота... это ли не признак хвори?

Глаза у нее были такие ясные, она аж губки бантиком сложила, доказывая свою искреннюю озабоченность состоянием государыни, и перед Елизаветой вдруг вновь проплыло воспоминание из времен шестилетней давности.

* * *

В ту пору Елизавета обнаружила, что беременна, и была истинно счастлива. Так значит, неловкие, торопливые, почти стыдливые ласки, которых ее порою устаивал муж, все-таки принесли свои плоды! Князь Адам Чарторыйский, который неумолимо и настойчиво, при полном попустительстве Александра, ухаживал за Елизаветой, связанные с ним душевные терзания и трепет сердца, который она всегда испытывала при виде этого черноглазого красавца, – все мгновенно вылетело из головы Елизаветы. Тем более что она очень страдала от дурноты в первые месяцы. Дурноту приходилось скрывать, ибо слишком рано объявлять о том, что великая княгиня в тягости, считалось плохой приметой. Однако в ноябре скрывать случившееся уже не было возможности.

Все очень обрадовались, и даже император Павел не скрыл своего восторга. Ведь Александр и Елизавета женаты уже шесть лет. Давно пора появиться детям! Давно пора родить будущего наследника престола!

Однако 18 мая у великой княгини Елизаветы Алексеевны родилась дочь. Все, впрочем, сочли, что лиха беда начало, и от души праздновали рождение новой великой княжны. И император Павел радовался, поскольку одновременно с известием о появлении внучки он получил сообщение о победе Суворова в Италии, откуда государю были доставлены неприятельские поверженные знамена.

За Елизаветой, если она чувствовала себя нехорошо, а первые месяцы ее почти непрерывно тошнило, ухаживала княжна Мария Святополк-Четвертинская. Она тогда еще не вышла замуж за Дмитрия Нарышкина, который будет сквозь пальцы смотреть на то, что его жену назовут новой Аспазией. Он безропотно отдаст ее императору, блестяще исполнив роль нового Амфитриона.

Да, будущая любовница Александра в ту пору очень сдружилась с Елизаветой. А он все больше сближался с Адамом Чарторыйским, стараясь всячески защищать его от немилостей отца, который мгновенно ополчался против мужчин, не расположенных к военной службе. У князя Адама не имелось ни малейшего желания тянуться перед кем бы то ни было во фрунт. В конце концов, Александр добился для него увольнения со службы и перевода в свиту великой княжны Екатерины Павловны, которую все домашние звали Катрин. Александр так носился с устройством судьбы друга, что мало интересовался и женой, и дочерью. А между тем обе они вызывали буквально нездоровый интерес при дворе. Особенно занимала всех внешность маленькой великой княжны.

В Павловске императрица вдруг попросила Елизавету прислать ей ребенка, хотя девочке исполнилось всего три месяца, а от дома великого князя до дворца было довольно далеко. Пришлось, однако, повиноваться, а потом, когда девочку привезли обратно, Елизавета узнала от дам, сопровождавших ребенка, что Марья Федоровна носила малышку к императору. Нисколько не подозревая грозы, собравшейся над ее головой, Елизавета была благодарна государыне, считая это просто желанием полюбоваться внучкой. Однако она жестоко ошибалась.

Сразу же после визита Марьи Федоровны взбешенный император приказал своему камергеру Федору Ростопчину написать приказ о ссылке Чаторыйского в Сибирский полк и гневно воскликнул:

– Жена и дочь мне сейчас раскрыли глаза на мнимого ребенка моего сына!

Оказалось, императрица ехидно напомнила мужу, что и Александр, и Елизавета светло-волосы и светлоглазы, однако у девочки темные глаза и темные волосы. Случившаяся при этом Шарлотта Ливен, воспитательница детей государя, робко попыталась остудить гнев императора, прошептав, что Господь-де всемогущ, однако толку от ее заступничества было мало.

И больше никто ничего не решился сказать в защиту Елизаветы и ее чести. И даже она сама не обратила внимание императора на то, что он ничем, ни единой черточкой лица и тем паче этим нелепым курносый носом не похож на своих родителей. Почему? Потому что Господь всемогущ! Однако что дозволено Юпитеру...

Неведомо, чем кончилось бы дело, кабы не Федор Ростопчин. Он с превеликим трудом умолил Павла не позорить сноху громким скандалом.

Наутро великий князь Александр узнал от Чаторыйского, что тот получил приказ уехать из Павловска и поскорее отправиться в Италию в качестве посланника от России к королю Сардинии, которого революционная смута и война вынудили покинуть свое государство и блуждать по разным областям Италии, где еще сохранялся мир.

Это оказалось самой настоящей ссылкой, и нетрудно было догадаться, что причиной ее стали темные глаза и волосы маленькой великой княжны Марии.

Неведомо, что сильнее оскорбило Александра – то, что ему ткнули в лицо возможной изменой жены, или изгнание его лучшего друга. Александр еще больше отдалился от Елизаветы, отношения между ними теперь нельзя было назвать иным словом, как ледяные.

Когда девочка скончалась (Елизавете чудилось, что ее дочь умерла не от воспаления мозга, а задохнулась в атмосфере всеобщей подозрительности и недоброжелательства), императрица держалась с приличной скорбью, однако не скрывала облегчения, что двусмысленная ситуация так быстро разрешилась. Но на всю императорскую фамилию произвела удручающее впечатление страшная скорбь Елизаветы. Ей казалось, что жизнь ее теперь кончилась. И никакого утешения Александр, замкнувшийся в своем высокомерии, не мог ей дать. Не сочувствовали ей и его сестры. Более того, как-то раз Марья Федоровна проговорила, что она и не обратила бы внимания на темные глазки и кудряшки малышки, кабы не Катрин. Именно она влила яд подозрения в уши своих недалеких родителей.

Елизавета и раньше чувствовала, что Катрин относится к ней сухо и недоброжелательно, но теперь она знала, что золовка ей истинный враг.

* * *

Катрин, Катрин... Тошно даже думать о ней! Елизавета вновь ощутила противный привкус во рту – и внезапно вспомнила, как попала в ее штат Загряжская. За нее просила мать-императрица, Марья Федоровна, но раньше... раньше Загряжская была в числе фрейлин великой княжны Екатерины Павловны!

У Елизаветы даже холодок по спине пробежал. Что же стряслось между Катрин и ее фрейлиной? Предположим, по какой-то причине великая княжна осталась ей недовольна и спровадила от себя. Но в таких ситуациях фрейлину вряд ли направят на место куда более высокое по статусу: в штат государыни, да еще с протекцией самой матери-императрицы. Нет, тут какая-то интрига, которой Елизавета по своему простодушию не разгадала...

А что разгадывать-то? Зачем Катрин могла подсунуть в ее штат одну из своих прислужниц, если не для того, чтобы шпионить за ней?

Вопрос: начала ли уже Загряжская это делать или только собирается?

Елизавета с испугом вспомнила ночную посудину, в которую ее вырвало. В обязанности фрейлин не входит прислуживать при туалете, однако вдруг Загряжская туда невзначай заглянет?! Елизавете стало дурно при мысли, какой она была беспечной. Это ведь ужас, что может высмотреть и разнюхать Загряжская, у которой, при всей ее красоте нос и впрямь лисий, пронырливый, вернее даже, барсучий.

Впрочем, Елизавета знала, что сейчас не время придаваться слабости, не время трусить.

– Передайте государю, что я чувствую себя превосходно. Навещать меня как болящую нет надобности. Я сама выйду к обеду, пусть его величество не тревожится.

Промельк разочарования в темных глазах Загряжской доставил ей мимолетное удовольствие и придал силы. И все же Елизавета чувствовала себя физически слабой, настолько, что едва смогла подняться. Но она вспомнила черные кудри, которые накручивала на палец, вспомнила, как длинные ресницы щекотали ей щеку, как она смеялась в его целующие губы... И засмеялась снова. Что бы с ней ни произошло, как бы ни был жесток и равнодушен муж, как бы ни изощрялась Катрин и ни ломало нездоровье, сколько бы ни сплетничали приближенные – никто и ничто не сможет отнять у нее блаженных воспоминаний о минувшей ночи и череде других подобных же ночей, о том счастливейшем, лучшем в ее жизни времени, когда все это началось для нее...

* * *

– Ваше высочество... – Катрин присела перед братом.

Константин пожал плечами. Оно конечно, *noblesse oblige*,⁵ и все такое, но эти церемонии, которые порой начинали разводить сестры, его порядком раздражали. Таким же и покойный батюшка был, от него девчонки глупостей нахватались. С матушкой и старшим братом проще. Императора Константин вообще Сашкой зовет, и ничего. Разумеется, не прилюдно – прилюдно он и сам не Костя, не Котька, не Константин даже, а великий князь Константин Павлович. Но сестрицы любили все эти приседания вокруг себя, особенно великая княжна Екатерина Павловна, а попросту – Катрин. Даже когда брат Александр писал ей, то всегда обращался на «вы». Однако письма эти были как раз из тех, где обращение на «ты» выглядело бы куда уместней...

Однажды Константин зашел в его кабинет и увидел на столе кругом измаранный чернилами листок – *brouillon*⁶.

Александр все свои письма с брؤولонами писал, хотя давненько канули в Лету те постылые времена, когда над юными великими князьями вечно нависал учитель французской грамматики. Константину сразу бросились в глаза слова весьма нежные и пыльные:

«Прощайте, очарование моих очей, владычица моего сердца, светоч века, чудо природы, а лучие – Бизям Бизямовна с приплюснутым носиком...»

Константин вскинул брови. Прозвище Бизям Бизямовны носила в семье Катрин. Значит, Сашка писал ей. Ну что ж, всем известно: Катрин обожает брата, а он обожает, когда обожают его. И всегда готов ответить привязанностью на привязанность.

Константин скользнул взглядом по письму дальше:

«Что поделявает ваш дорогой носик? Мне так приятно прижиматься к нему и целовать его!»

Он хмыкнул. Носик у Катрин и вправду забавный. На самом деле она была такой же курносой, как сам Константин (в батюшку удались!), однако этот дурацкий нос придает Константину, прямо скажем, хамский вид, а Катринку делает очаровательной и дерзкой, задиристой

---

⁵ *Noblesse oblige* – французский фразеологизм, буквально означающий «происхождение обязывает»

⁶ Черновик, набросок (франц.).

такой! Надо полагать, что Александру, который явился на свет с античным профилем и зрит такой же профиль ежедневно у своей супруги, порой надоедает совершенство и хочется чего-нибудь этакое... шаловливого, вернее, фривольного.

Константин перевел глаза на следующую строку и чуть не поперхнулся, прочитав:

«Если Вы и безумица, то самая восхитительная из всех. Я без ума от Вас... Ваша любовь необходима для моего счастья, потому что Вы самое красивое существо в мире... Я безумно люблю Вас! Я радуюсь, как одержимый, когда вижу Вас!»

– Э-э... – растерянно протянул Константин, не веря глазам. Буквы письма плясали. Строчки шли кривь и вкось. Писалось сие признание, похоже, поспешно, отрывочно, как если бы Александр находился не в ладу с чувствами. Ну да, про чувства все понятно, но был ли он в ладу с рассудком, вот в чем вопрос, когда продолжал свое послание такими вот словами:

«Примчавшись к Вам, как безумный, я надеюсь насладиться отдыхом в Ваших объятиях... Увы, я не могу воспользоваться своими давними правами (я говорю о Ваших ножках, Вы понимаете?) и покрыть их нежнейшими поцелуями в Вашей спальне...»

– Мать честная! – пробормотал Константин. – Да это что же?! Это что ж такое, а?!

Вот тебе и мраморное божество! Вот тебе и Аполлон, сошедший на землю! Ничего себе, какие жуткие страсти кипят, оказывается, в Сашкиной груди! Противоестественные страсти-то!

Слов нет, Константин никогда не давал себе окороту в своих увлечениях, за то и возненавидела его законная супруга, эта прескучная Юлиана... Молнией, пренеприятнейшей молнией промелькнуло воспоминание о том, как он вышел из спальни в разгар ночи с 15 на 16 февраля 1796 года – своей брачной ночи! – и, чувствуя себя невыносимо одиноким, жалким, несчастным, сел в передней комнате. Он плотно закрыл за собой дверь, но обиженные, какие-то детские всхлипывания доносились и сюда.

Константин налил в бокал шампанского – кто-то из приятелей позаботился оставить на туалетном столике бутылку и пробочник! – и выпил залпом. Потом ухнул и второй бокал. Сердце слегка согрелось. Отчего-то он вспомнил, как писал Лагарпу, своему бывшему воспитателю, письмо. Француз чрезвычайно интересовался успехами своих царственных подопечных, но и Александр, и Константин отнеслись к себе весьма самокритично. Особенно Константин, который вообще любил рубить с плеча. Он написал: *«В двенадцать лет я ничего не знаю. Быть грубым, невежливым, дерзким – вот к чему я стремлюсь. Знание мое и прилежание достойны армейского барабанищика. Словом, из меня ничего не выйдет во всю мою жизнь»*.

Ему тогда было двенадцать, но он и сейчас готов подписаться под каждым словом из того письма. «Из меня ничего не выйдет во всю мою жизнь...» И в такое ужасное состояние самоуничтожения его поверг какой-то жалкий час, который он провел на ложе этой тупой, холодной, перепуганной, неумелой, неласковой, чрезмерно стыдливой девчонки.

Она что, дура? Полная дура? Неужели она не знала, что делают между собой мужчина и женщина, когда становятся мужем и женой? Неужели ее мамаша, похожая на важную гусыню, уверяла ее, что молодой супруг всю ночь будет играть с ней в подкидного дурака? Или, чего доброго, примется читать ей по-французски трагедию Расина «Федра»?

Хотя она небось даже Расина сочла бы слишком развратным!

Константина передернуло от всхлипываний, которые до сих пор звучали у него в ушах. Как она смела вести себя так, будто он... будто он свирепый зверь, чудовище, насильник и разбойник?! Будто он язычник, а она – мученица-христианка, которая во что бы то ни стало должна оберечь девичью честь? Жаль, что нельзя связать эту помешанную на своей невинности дуручку и выстрелить ею из пушки, как он некогда стрелял из крыс по бабушкиным фрейлинам! Право, жаль.

С той ночи Юлиана, крещенная Анной, возненавидела мужа. Ну и ладно! Константин тоже ее возненавидел и с тех пор вел себя как свободный человек. Каких только женщин он

не перепробовал! Для него не существовало разницы между девчонками и дамами. Любил он также порою насладиться какой-нибудь немолодой особью, чтобы из ее опыта набраться навыков для опыта своего. Случалось, тискал в объятиях и мальчишек – да ну, ничего особенного, женщины лучше, однако для коллекции того же любовного, чувственного опыта годилось все! Но чтобы посмотреть на своих сестер, как на женщин, с которыми можно провести время в постели...

Нет, это невозможно, немыслимо! Ну и богоподобный Александр!!! Как же его угораздило так оскорбиться?! С другой стороны, мужчина – существо искушаемое. Искушаемое женщиной. Значит, вся вина на Катрин. На этой шалаве...

Самая настоящая она шалава и есть!

Константин задумался и чуть не позабыл, зачем, собственно, явился к сестре. А Катрин между тем уставилась недоуменно и подозрительно. И опаска чудилась Константину во взоре ее огромных голубых глаз. Ну да, рыльце в пушку... Небось сейчас перебирает свои грешки и гадает, известно ли о них Константину. А впрочем, он ведь в семье паршивая овца, так что не стоит отщепенке Катрин бояться отщепенца Константина. Тем паче что пришел он не высоко-нравственные беседы вести, а брата спасать.

Вот только как бы половчее к этому делу подступить? Поделикатней?

Однако все заготовленные подходы вдруг вылетели из Константиновой буйнокудрявой головы, и он рубанул с плеча:

– Катрин, сдается мне, что дело неладно. Не кажется ли вам, что венец на голове Александра Павловича... – Стоило бы, конечно, сказать попросту: «На Сашкиной голове», но Константин решил сделать необходимые реверансы, чтобы расположить к себе сестру. – Венец, стало быть, императорский на его голове несколько покосился?

Голубые глаза, и без того огромные, расширились и наполнились ужасом. Катрин нервно хрустнула пальцами и прижала ладони ко рту, словно крик давила, а сама побледнела так, что Константин даже руки приготовился выставить, чтобы подхватить меньшую сестру, когда та брякнется в обморок.

«Влюблена, дура, в него, как кошка, – мрачно подумал Константин. – Небось решила, что я пришел ее стыдить, чтобы на Сашку попусту не пялилась. Нет, надо ее замуж поскорей пристроить... полным-полно в Европе неприкаянных принцев, а девка засиделась. Вся в соку, вот и вбивает себе в голову невесть что! Хоть Сашка и писанный красавец, а все ж брат и женатый человек, значит, не моги!»

Пока образец супружеской верности, великий князь Константин, этак размышлял, Катрин отклеила, наконец, судорожно стиснутую ручонку ото рта и пробормотала:

– Что вы имеете в виду, братец Константин Павлович, ваше высочество?

Тьфу... слова в простоте не скажет, и тут с выкрутасами! «Братец Константин Павлович» сердито покосился на сестру и ляпнул:

– А то, что рогат Сашка! Лопни мои глаза. – Он вообще предпочитал выражаться по-русски, тем паче будучи в сильном расстройстве или, скажем, в подпитии, и выражения тогда подбирал самые отъявленные. – Если не завела наша баденская тихоня себе любовника!

Катрин мгновение тарасилась на него, но вот поспешно опустила глаза. А Константин остался сам на нее тараситься, потому что в сверкающих голубых очах сестры отразилось такое нескрываемое облегчение, что на него оторопь нашла.

Как же это понимать, господи? Она радуется, что император российский увенчан рогами? А как же любовь и жалость?! Или сестрица надеется, что, узнав об измене жены, Сашка прогонит от себя Елизавету?

Ну, это может стать, только какая с того выгода Катрин? Замуж за себя Александр ее не возьмет, так почему радости столько?! Злорадствует? Ну и жестокая же тварь!

Нет, тут что-то иное, иное...

А поди знай что! Живи Константин хоть пятьсот лет, он все равно никогда не поймет женщин. Они ведь лишь кажутся простенькими. А на деле – о-го-го!

* * *

Вот чертовщина, ну никак он не мог избавиться от этих безумных воспоминаний! Честное слово, чувствовал себя, будто мальчишка, который только познал женщину, и думы о ней, первой, застят ему все впечатления, которые он получает от новых своих возлюбленных. Алексей за собой такой памятьности и не предполагал. Он даже не помнил, как звали ту крестьянскую девчонку, которую он завалил в березовой рощице в ночь на Ивана Купала, впервые отведав женской плоти. Их воронежская деревня была не слишком-то строга по части исполнения заветов-запретов на «бесовские игрища», напротив, люди с готовностью предавались любой возможности побалагурить и попраздновать, пусть даже батюшка потом станет лаяться с амвона. Алексей, само собой, такой веселости своих деревенских сверстников только радовался, потому что сам был охоч до гуляний и безуднывен. Потом, когда кузина, княгиня Наталья Голицына, в девичестве княжна Шаховская, заставила его перебраться в Санкт-Петербург, он узнал, что настоящий романтический герой, оказывается, должен выглядеть задумчивым и несколько печальным и непременно обязан в горьком упоении вздыхать о первой своей любви. Это Алексея порядком потешало (а как себя вести, если таковой любви просто не было, ну по ком вздыхать-то прикажете, неужто по той сговорчивой деревенщине?!) – до тех пор, пока он не увидел ту, которую полюбил с первого взгляда. С первого взгляда, первой любовью... Недосыгаемость этой женщины сводила его с ума дено и ношно, однако он не мог отказаться от мечтаний о *ней*, неявно преследовал *ее*, от души надеясь, что, если сие станет кем-то замечено, то будет воспринято как верноподданническое рвение. В конце концов, многие знакомые Алексею офицеры сделали *ее* имя своим заветным знаменем. Возможно, все они были в *нее* влюблены, но ни один не бредил *ею* как женщиной. И Алексей не бредил, до некоторых пор, обожая в *ней* некий воздушный и чистый образ. Она была прекрасной дамой, он – *ее* верным, молчаливым рыцарем. Разумеется, его молодая и довольно-таки буйная плоть постоянно требовала удовлетворения, которое он и находил в одном опрятненьком и по-домашнему скромном борделе (наш герой был чистоплотен, как кот, и столь же гульлив), но это не мешало Алексею благоговеть и преклоняться перед *ней*, испытывая совсем иные чувства. Как батюшка говаривал, человек есть творение божие лишь от головы до пояса, а ниже – дьяволово рукомесло. *Ее* Алексей любил как творение Божие... так было прежде, до той странной, воистину дьявольской встречи – и случки (иного слова не подберешь!) в уютной, тесной, пахнувшей розами карете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.